лишь тогда, когда будут напечатаны обещанные к изданию акты обоих конгрессов. Наконец, нужно остановиться на „собственной информации", которую напечатал в этом выпуске уже упоминавшийся нами клеветник господин Лоран, директор издания, о византийских исследованиях в СССР. По существу Лоран пересказывает информацию о сессии Отделения истории и философии АН СССР 1947 г., посвященной вопросам византиноведения, напечатанную в „Вопросах истории" (1948, № 1—2), пересыпая эту информацию собственными злостными клеветническими измышлениями против передового советского византиноведения, приходящегося не по нраву реакционеру-мракобесу „отцу" Лорану. Эти измышления свидетельствуют о непонимании процессов, развивающихся в советском византиноведении, которое как и вся советская историческая наука, строится на основе самого передового в мире марксистско-ленинского метода исторического исследования, а также о желании реакционных мракобесов оклеветать советское византиноведение, в корне отличающееся от загнивающего буржуазного византиноведения. Лучшим доказательством этого загнивания и маразма служит содержание журнала „Revue des études byzantines", обзор которого за 1943—1948 гг. мы дали здесь.

Б. Т. Горянов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крестовые походы, как одно из выдающихся событий средневековой истории, издавна привлекали внимание русских историков.

Как и в других областях знания, русские исследователи и в этом вопросе шли не проторенной дорогой, они прокладывали новые пути в науке, делали самостоятельные открытия, двигали вперед исследовательскую мысль. Они внесли много ценного в разработку этой проблемы в целом и в частностях, но, как буржуазные историки, не смогли разрешить ее удовлетворительным образом. Созданные ими концепции крестовых походов свидетельствуют о методологической слабости, классовой ограниченности, а зачастую и политической реакционности их авторов, отражавших общественно-политические устремления господствующих классов царской России.

Товарищ И. В. Сталин учит, что „...источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать... в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п."[1] Именно этим „общественным бытием", своеобразием исторического процесса, классовой борьбы и общественно-политических отношений в России второй половины XIX и начала XX вв. объясняются в конечном счете как достижения, так и недостатки работ русских буржуазных медиевистов по истории крестовых походов.

Задачей настоящего обзора является, проанализировав в хронологическом порядке работы русских буржуазных ученых по истории

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 110.

крестовых походов, выявить то ценное, что они дали в этой области истории средних веков, и в то же время оттенить их слабые стороны и недостатки.

Первые исследования в области истории крестовых походов начались в России в середине XIX в. Наиболее ранними результатами этих исследований были работы: П. Медовикова „Латинские императоры в Константинополе...“[1] и В. А. Бильбасова „Крестовый поход императора Фридриха II“.[2] Обе работы представляли собой магистерские диссертации. Возникновение интереса у русских ученых к истории крестовых походов[3] стояло в тесной связи с обострением так называемого восточного вопроса, с подготовкой и последствиями Крымской войны и было своеобразным откликом русской медиевистики на внешнеполитические события того времени.

Исследование П. Медовикова — одна из самых ранних попыток изучения политического строя Латинской империи и ее отношений с греческими государствами и Болгарией. Автор довольно подробно нарисовал сложную картину военной, политической и дипломатической борьбы крестоносцев с Никейской империей, Эпирским деспотатом и Болгарией. Он считал, что по своему политическому устройству Латинская империя была „сколком с организации королевства Иерусалимского“, и резко подчеркнул в качестве причины ее скорого падения враждебное отношение греческого населения к завоевателям — франкам. Медовиков опроверг распространенное в современной западноевропейской буржуазной литературе мнение Гиббона о том, что будто бы только помощь Генуи обеспечила восстановление Византийской империи. Критически разобрав и сопоставив ряд латинских и византийских источников (хроники Каффаро, Мартина Сануто, договор Никейской империи с Генуей, показания Никифора Григоры и др.), Медовиков доказал, что греки освободили в 1261 г. Константинополь до прибытия запоздавшего генуэзского флота.[4] Однако в целом диссертация Медовикова не имела существенного значения в разработке проблем крестовых походов. В ней не были даже поставлены некоторые конкретные вопросы, пути к разрешению которых можно было уже наметить, учитывая состояние изданных к середине XIX в. источников. На это обстоятельство обратил внимание Т. Н. Грановский в своей рецензии на книгу Медовикова.[5] Т. Н. Грановский указал, что при „внешней полноте и богатстве фактов“ в книге отсутствовала глубокая разработка коренных проблем внутренней истории Византии; в частности, не было показано состояние империи перед захватом ее крестоносцами и не объяснены причины их быстрых успехов.[6]

---

[1] П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849.

[2] В. А. Бильбасов. Крестовый поход императора Фридриха II, СПб., 1863. В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв., ч. I, стр. 114 и вслед за ним О. Вайнштейн. Историография средних веков, стр. 303 — ошибочно относят названное сочинение к 1883 г.

[3] Отметим попутно, что в 1865 г. в III т. Хрестоматии М. М. Стасюлевича „История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых“ были изданы в отрывках в переводе на русский язык важнейшие источники по истории крестовых походов.

[4] П. Медовиков, цит. соч., стр. 154—155, 164.

[5] Т. Н. Грановский. Латинская империя. Соч., т. II, стр. 135—152. М., 1856. Рецензия написана в 1850 г.

[6] Там же, стр. 140 и сл. Необходимо заметить, что в своей рецензии Т. Н. Грановский высказал ряд чрезвычайно глубоких и интересных мыслей по истории Византии. Его статья требует специального изучения со стороны наших византинистов.

Работа Медовикова была проникнута реакционной политической тенденцией защиты монархизма, православия, захватнической политики царизма на Ближнем Востоке. Непомерное место в ней занимают церковно-религиозные вопросы. Даже борьбу греков против латинского владычества автор объясняет приверженностью „массы народонаселения“ к православию.[1]

Реакционная политическая концепция Медовикова ярко проявилась в его стремлении доказать, что основание западными рыцарями Латинской империи способствовало „утрате священной земли“ и ее переходу к „враждебным последователям лжепророка“.[2] Обвиняя Венецию в „ниспровержении державы, которая, может быть, еще долго служила бы оплотом против сарацин“,[3] Медовиков выдвигал положение о „вине“ Запада перед „христианством“. Политический смысл этой „идеи“, которая впоследствии получила более подробное развитие у В. Г. Васильевского и особенно у Ф. И. Успенского, заключался в косвенном оправдании притязаний царизма в восточном вопросе накануне Крымской войны.

„Крестовый поход императора Фридриха II“ В. А. Бильбасова — одна из самых старых в русской медиевистике работ собственно по крестовым походам. Бильбасов привлек обильный материал источников и разработал ряд важных документов, опубликованных в издании Гийар-Брехолля в 1859 г. Особенно тщательно Бильбасов проанализировал „Итинерарий Фридриха II“ и договор Фридриха II с Египтом (1229). Следует отметить, что этот анализ был произведен Бильбасовым еще до того, как в западноевропейской медиевистике появились специальные исследования названных источников. Работа Бильбасова показательна для высокой исследовательской техники русской медиевистики начала 60-х годов. Некоторые выводы Бильбасова, в частности, оценка договора Фридриха II с египетским султаном, имевшего большое значение для развития торговых и политических отношений Запада с Востоком,[4] и др. — не утратили своей научной ценности и до сих пор. Однако по своей методологической основе исследование Бильбасова является сугубо идеалистическим. В большей своей части оно совершенно устарело и может представлять лишь исторический интерес.

Следующий этап в развитии русской буржуазной историографии крестовых походов связан с усилением византиноведческих занятий в России в последней трети XIX и начале XX вв.

Известно, что это оживление русского буржуазно-дворянского византиноведения было вызвано в значительной мере определенными политическими целями правящих кругов царской России, надеявшихся использовать историю Византии для пропаганды принципов монархизма и православия в противовес усиливавшемуся революционному движению и для исторического „обоснования“ своих экспансионистских стремлений на Ближнем Востоке.[5] Дальнейшее обострение „восточного вопроса“ в в 70-х гг. было той непосредственной причиной, которая стимулировала интерес русских буржуазно-дворянских византинистов к периоду крестовых походов — периоду острой борьбы за византийские владения между Западом и Востоком.

---

[1] П. Медовиков, цит. соч., стр. 69, 71.
[2] Там же, стр. VI.
[3] Там же.
[4] Бильбасов, цит. соч., стр. 120.
[5] См. З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. „Вопросы истории“, 1949, № 6, стр. 117.

Естественно, что это не могло не наложить своего отпечатка на политические и общеметодологические установки исследований по истории крестовых походов. Вместе с тем, однако, то обстоятельство, что проблемы истории крестовых походов стали у нас разрабатываться главным образом византологами, в то время как на Западе эти проблемы составляли монополию преимущественно исследователей западноевропейского средневековья и отчасти ориенталистов, — имело и некоторое положительное значение. Оно позволило русским буржуазным историкам внести свежую струю в изучение крестовых походов, выдвинуть новые точки зрения, по-новому осветить и разрешить многие вопросы истории крестоносного движения. Русские ученые сумели ввести в оборот новые многочисленные источники, углубить и обновить интерпретацию ранее известных материалов. Они выдвинули и разработали оригинальные концепции крестовых походов, значительно раздвигавшие исторические рамки, достигнутые современной им западноевропейской медиевистикой.

Все эти особенности нашли достаточно яркое отражение уже в работах выдающегося русского византиниста В. Г. Васильевского — „Византия и печенеги" (1872) и „Союз двух империй" (1877).

В первой из них В. Г. Васильевский исследовал вопрос об отношениях между Византией и странами Западной Европы накануне первого крестового похода, имеющий большое значение для понимания истории возникновения крестоносного движения. В. Г. Васильевский признал подлинность знаменитого послания Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому и привел веские доводы в пользу этого взгляда.[1] Он утверждал, что Византийская империя, находясь в тяжелом положении в связи с угрозой одновременного нападения со стороны печенегов и турок-сельджуков, в 1091 г. обратилась за помощью на Запад и что это обращение явилось первым по времени стимулом для развертывания движения в пользу крестового похода среди западных феодалов. Идея крестового похода „в умах графов Фландрских, Боэмундов и Робертов Нормандских... созрела независимо от папы",[2] определяющую роль в этом сыграло положение Византии и ее обращение на Запад за помощью. Впоследствии же „призыв папы Урбана потому нашел такой скорый и сильный отзыв в рыцарстве Фландрии, Нормандии и Франции, что ему предшествовал призыв императора Алексея"[3]

В. Г. Васильевский обратил внимание на грабительские цели западных феодалов, показав, что ими руководили „не мистические порывы и аскетические потребности": они шли с „надеждой на мирские выгоды, с мыслью о богатствах Византии".[4] Васильевский доказывал, что, по первоначальному плану, крестовый поход „прежде всего должен был направиться против печенегов",[5] но победа, достигнутая византийцами с помощью половцев и русских над печенегами в 1091 г.,

---

[1] В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 149—164. СПб. 1908. Впоследствии мнения исследователей разделились. Взгляд В. Г. Васильевского был принят Ф. И. Успенским („История крестовых походов", стр. 6—8. СПб., 1901). Против признания подлинности этого документа выступил Д. Н. Егоров („Крестовые походы", ч. I, стр. 134—138. М., 1914). Точка зрения В. Г. Васильевского оказала влияние на некоторых западных историков, например, H. Hagenmeyer. Der Brief des Kaisers Alexios I Komnenos an den Grafen Robert von Flandern. „Byzantinische Zeitschrift", B. VI, S. 26. Leipzig, 1897.

[2] В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 93.

[3] Там же, стр. 94.

[4] Там же, стр. 94.

[5] Там же, стр. 95, 96.

укрепив положение империи, изменила направление крестового похода, который, по его мнению, мог бы иметь „совершенно другой исход, если бы Боэмунды и Готфриды явились как спасители греческой столицы“.[1]

Несмотря на спорность некоторых выводов, сделанных В. Г. Васильевским, значение этого исследования заключается в том, что оно доказало, во-первых, несостоятельность распространенной в историографии точки зрения о папстве как о решающей силе, будто бы вызвавшей первый крестовый поход. Во-вторых, исследование В. Г. Васильевского привлекло внимание историков крестовых походов к изучению внутреннего и внешнеполитического положения Византийской империи. После этой работы стало невозможным искать причин первого крестового похода только во внутреннем состоянии Западной Европы, как это обычно делали западноевропейские историки. Европеоцентристским представлениям о начале крестоносного движения был нанесен серьезный удар.[2]

Такое же значение, но по отношению ко второму крестовому походу, имела статья „Союз двух империй“. Она посвящена изучению международных отношений Византии с середины 40-х до середины 50-х годов XII в., но в ней затронута и история второго крестового похода, хотя события собственно похода занимают немного места. В. Г. Васильевский связал историю этого похода с состоянием и развитием международных отношений Византии с западноевропейскими и мусульманскими государствами и проследил то влияние, которое оказали на исход второго крестового похода международные противоречия того времени. Заслуга В. Г. Васильевского состояла главным образом в том, что он, разработав обширный круг конкретно-исторических вопросов в области международных отношений середины XII в., поставил проблему второго крестового похода на более широкую историческую основу.

Едва ли можно сомневаться, что такая направленность работ Васильевского находилась в связи с обострением международных противоречий на Востоке в 70-х годах XIX в. Последнее обстоятельство и побудило русского историка ближе приглядеться к международным отношениям XI—XII вв.

Однако как по своим методологическим, так и политическим установкам обе работы В. Г. Васильевского страдают серьезными пороками.

В концепции возникновения первого крестового похода, предложенной В. Г. Васильевским, идейная ограниченность буржуазного историка-идеалиста сказалась в переоценке роли графа Роберта Фландрского и венгерского короля Владислава. Их „преждевременная“ смерть, по мнению В. Г. Васильевского, серьезно изменила первоначальное развитие крестового похода.[3] В работе „Союз двух империй“ В. Г. Васильевский совершенно обходит вопрос о материальных, экономических предпосылках той системы международных политических отношений, которую он обрисовал очень подробно и в условиях которой происходил второй крестовый поход.

В статье „Союз двух империй“ политическая подоплека концепции В. Г. Васильевского выступает весьма рельефно. Особенно характерны его рассуждения о причинах неудачи первых двух крестовых походов.[4]

---

[1] Там же, стр. 108.

[2] В нашу задачу не входит анализ и оценка общей концепции этой работы В. Г. Васильевского. См. Б. Д. Греков. История древних славян в работах В. Г. Васильевского. ВДИ, 1939, № 1, стр. 341—346.

[3] В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 95—96.

[4] Там же, т. IV, стр. 18—21. Л., 1930.

Разбирая взгляды Зибеля и Куглера по вопросу о том, кто „виновен" в неудаче — Византия или крестоносцы, В. Г. Васильевский утверждает, что „в XII столетии, точно так же как и в XIX, ... самым необходимым и существенным вопросом, обусловливавшим победу или же горькое разочарование, было соглашение католической Европы с православною империею и восточным православным императором".[1] Это — откровенная поддержка внешнеполитической линии самодержавия в 70-х годах XIX в. на Ближнем Востоке. Реакционная политическая тенденция В. Г. Васильевского, пронизывающая его работу, существенно обесценивает ряд сделанных им наблюдений и выводов. Например, в статье „Союз двух империй" В. Г. Васильевский, стремясь доказать во что бы то ни стало невиновность Византии („православной империи") в том, что не состоялось соглашения с Западом, допускает явно необоснованную гипотезу. По его мнению, Алексей Комнин ничего более как возвращения Малой Азии не добивался, а на Сирию и Палестину он не претендовал,[2] хотя хорошо известно, что политика Комнина состояла в том, чтобы заставить западных рыцарей принести ему ленную присягу и тем самым приобрести право на все земли, которые ими будут завоеваны.

Концепция В. Г. Васильевского подверглась дальнейшему развитию в работах некоторых русских византинистов, например Ф. И. Успенского (см. ниже), П. Безобразова[3] и др.

Крупный вклад был внесен русской исторической наукой в разработку истории четвертого крестового похода, в частности по одному из наиболее запутанных вопросов: об обстоятельствах и причинах изменения направления этого похода от первоначально намечавшейся цели — Египта — на Константинополь.

Бессильная вскрыть действительные причины и цели крестоносного движения, буржуазная историография не могла, понятно, дать научно обоснованный ответ и на этот интересный и весьма существенный вопрос. Все историки сводили дело к желаниям и стремлениям той или иной группы лиц, расходясь лишь в определении персонального состава этих групп. С середины 70-х годов в западноевропейской литературе о четвертом крестовом походе широкое распространение получила так называемая „теория германской интриги".

Сущность этой теории заключалась в том, что все события четвертого крестового похода объявлялись плодом германского вмешательства. Основным „виновником" поворота крестоносцев на Константинополь эта теория признавала германского короля Филиппа Швабского Гогенштауфена, который, действуя заодно с маркизом Бонифацием Монферратским, еще в 1200 г. якобы задумал направить подготовлявшийся тогда крестовый поход на Константинополь, а в 1201 г., оказав помощь в организации побега византийскому царевичу Алексею Ангелу (на сестре которого, Ирине, Филипп Швабский был женат), начал практически осуществлять задуманную политическую комбинацию. Сторонники этой теории утверждали, что в 1201 г. при дворе Филиппа Швабского в присутствии царевича Алексея, который, по теории „германской интриги", был одной из главных пешек в комбинации, заду-

---

[1] В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 18.

[2] Там же, стр. 20.

[3] См. П. Безобразов. Боэмунд Тарентский. ЖМНП, 1883, ч. CCXXVI, стр. 37—119. Эта типично, позитивистская по своей методологии статья лишь отчасти затрагивает общие вопросы истории первого крестового похода. Политическая ее тенденция в целом совпадает с взглядами В. Г. Васильевского, но проводится в более завуалированной форме.

манной германским королем, — между Филиппом Швабским и Бонифацием Монферратским был подписан договор. Согласно этому договору, маркиз Бонифаций в качестве главы крестоносцев обязался дать крестоносному войску задуманное при германском дворе направление, т. е. двинуть его на Константинополь под предлогом оказания помощи царевичу Алексею. Вся эта „теория" была построена на совпадении дат ряда фактов предистории четвертого крестового похода с датой бегства из Византии царевича Алексея (лето 1201 г.), считавшейся тогда твердо установленной и бесспорной.

Главным „творцом" и защитником теории „германской интриги" выступил в середине 70-х годов французский ученый Риан,[1] который пытался обосновать эту теорию показаниями источников.

Внешне представляя собой стройную и цельную концепцию, теория „германской интриги", однако, была крайне односторонней, не учитывавшей многих важных обстоятельств, среди которых развивались события четвертого крестового похода. К тому же она была подсказана определенными политическими взглядами французского историка: эта теория была создана вскоре после франко-прусской войны и носила ярко выраженную националистическую окраску. Стремление Риана „обвинить" Германию в изменении направления похода было одним из проявлений той волны национализма, которая захлестнула французскую (как, впрочем, и немецкую) буржуазную историческую литературу в 70—80-х годах прошлого века.

Решительный удар теории „германской интриги" был нанесен исследованием В. Г. Васильевского, результаты которого нашли свое отражение в его статье — рецензии на работу Ф. И. Успенского „Образование второго Болгарского царства".[2] Занимаясь вопросами византино-болгарских отношений, В. Г. Васильевский установил, что царевич Алексей бежал в Европу не в 1201, а в 1202 г. Свою датировку он вывел путем чрезвычайно тонкого и мастерского анализа источников: показаний византийского историка Никиты Акомината, Новгородской летописи, письма Иннокентия III к императору Алексею III от 16 ноября 1202 г., данных Виллардуэна, Большой Кельнской хроники, „Деяний Иннокентия III" и хроники Робера де Клари.

С открытием В. Г. Васильевского стало ясно, что если царевич Алексей бежал в Европу в 1202 г., т. е. тогда, когда крестоносная рать во всяком случае находилась уже в Венеции, то ни о каком договоре Филиппа Швабского с Бонифацием Монферратским по поводу восстановления Алексея на престоле с помощью крестоносцев, договоре, подписанном, согласно Риану, при германском дворе в 1201 г. в присутствии Алексея, не могло быть больше и речи. Поэтому и последующие события не могли более рассматриваться как дальнейшее развитие планов Штауфена. Здание теории „германской интриги" рухнуло.

Но русская историческая наука разрушила не только эту ложную и искусственную концепцию четвертого крестового похода. Ей принадлежит заслуга критического пересмотра и ряда других не менее искусственных построений, созданных западноевропейской историографией по этому вопросу.

Дело, начатое В. Г. Васильевским, продолжал П. Митрофанов, опубликовавший в конце 90-х годов специальное исследование „Изменение

---

[1] P. Riant. Innocent III, Philipe de Suabe et Boniface de Monferrat. Paris, 1875.

[2] В. Г. Васильевский. „Образование второго Болгарского царства" Федора Успенского. ЖМНП, ч. 204, стр. 337—348. СПб., 1879.

в направлении четвертого крестового похода",[1] целиком построенное на критическом разборе точек зрения западноевропейских историков по поводу отдельных этапов этого похода.

П. Митрофанов не дает специального историографического очерка: он перемежает историографические экскурсы с попытками нарисовать собственную схему конкретной истории похода на основании параллельно проводимого им разбора источников. Но эти историографические отступления составляют существенную часть его статьи и в своей совокупности дают более или менее полное представление о развитии взглядов на четвертый крестовый поход и его отдельные этапы в буржуазной историографии XIX в. Необходимо подчеркнуть, что в разработке историографии четвертого крестового похода русская историческая наука значительно опередила западноевропейскую.[2]

При этом Митрофанов не просто пересказывает те или иные точки зрения — он подвергает их критическому рассмотрению: даже соглашаясь с какими-либо мнениями данного ученого, он тут же указывает на его слабые стороны, нигде не раболепствуя перед заграничными авторитетами.

На примере английского ученого Пирса П. Митрофанов разоблачает научную косность и отсталость иных „маститых" буржуазных ученых Запада, для которых авторитет предшественника служил прикрытием собственного бессилия в разрешении трудных проблем. Наиболее ярко Митрофанов вскрывает научное идолопоклонство Пирса при рассмотрении вопроса о роли Венеции в повороте крестоносцев на Зару осенью 1202 г.

В свое время — в 60—70-х годах прошлого века — этот вопрос вызвал обширную литературу. Одни историки, защищая теорию, которую Риан назвал „теорией случайностей", полагали, что поход против Зары был одной из многочисленных случайностей, наполняющих, по их мнению, всю историю четвертого крестового похода. Эту „теорию" отстаивали Наталис де Вайи, издатель хроники Виллардуэна, опиравшийся на показания этой последней, Ганото, Гейд, исследователь левантийской торговли, и Тессье. Они представляли дело так, что Венеция просто воспользовалась затруднительным положением крестоносцев в своих торговых интересах, на пути которых лежала Зара. Другие буржуазные ученые — Мас-Латри, Гопф, Штрейт, а в начале и Риан — высказались за то, что поход против Зары был плодом обдуманной политической интриги венецианцев: венецианцы, для которых торговые интересы стояли выше религиозных соображений, сознательно взялись задержать и отклонить крестоносцев от их цели — Египта, так как Венеция имела там важные торговые интересы. По мнению этих историков, венецианцы вступили в соглашение с „неверными" и за деньги и торговые льготы продали „святое дело" султану Малек-Аделю, т. е. предумышленно „изменили" делу „освобождения гроба господня", имея в виду свои коммерческие выгоды.

В результате полемики, перипетии которой Митрофанов излагает живо и талантливо, перевес склонился на сторону защитников „теории случайностей", и наиболее добросовестные ученые из числа сторонников „теории предумышленности", вроде Риана, перешли в лагерь

---

[1] П. Митрофанов. Изменение в направлении четвертого крестового похода. „Византийский Временник", т. IV, стр. 461—523. СПб., 1897.

[2] Работа E. Gerland. Der vierte Kreuzzug u. seine Probleme („Neue Jahrbücher für das klassische Alterthum, Geschichte u. deutsche Literatur", B. XIII, S. 505—514) появилась только в 1904 г.

своих бывших противников. Но у „теории предумышленности“, которая после 15-летних споров, казалось, была погребена в архивах, в 1885 г. нашелся еще один запоздалый и, по остроумному замечанию Митрофанова, самый неудачный защитник. Это и был англичанин Пирс. Яркими красками Митрофанов рисует поистине достойное иронии положение, в котором оказался этот последний „верный рыцарь“ давно опровергнутой теории. В своих доказательствах Пирс „очень мало обращает внимания на известия современных источников: он упоминает о них только между прочим, не входя даже в рассмотрение вопроса об их происхождении или степени их достоверности“.[1] Пирс, после того, как было доказано, что никакого договора между Венецией и Египтом в 1202 г. не было подписано, снова взывает к этому несуществовавшему договору, который положил в основу своей концепции Гопф — ученый, которого Риан уличал „в намеренном обмане и переделке имен“.[2] Пирс „словно игнорирует всю литературу по этому вопросу, не обращает никакого внимания на статьи Штрейта, Ганото, Риана, Гейда и Тессье. Гопф продолжает служить для него незыблемым авторитетом, о который сокрушаются все направленные против него доказательства“.[3]

П. Митрофанов пытался не только пересмотреть тенденциозные и односторонние взгляды западных историков, но и дать свое оригинальное решение вопроса. „Воздавая должное“ интересам Венеции, ее „хитроумному“ дожу Дандоло, П. Митрофанов отказывается видеть в нем „единственного actor rerum всей этой грандиозной исторической эпопеи“.[4] Он доказывает, что необходимо принимать во внимание побудительные мотивы остальных участников похода — политические расчеты Филиппа Швабского, притязания Бонифация Монферратского на Востоке, „благочестивое“ стремление большей части духовенства видеть греческую церковь воссоединенной с западной, наконец, жадность крестоносцев к деньгам, их любовь к грабежу. Все эти мотивы, по его словам, существовали несомненно „наряду с политическими расчетами венецианцев“.[5]

Аргументация, выдвинутая П. Митрофановым в защиту мысли о сложности мотивов и причин, приведших крестоносцев к стенам Константинополя, способствовала преодолению предвзятой односторонности, в которую впадали западноевропейские буржуазные историки. Тем самым исследование русского историка, отбросившего в сторону фетиши, которым поклонялись некоторые из буржуазных медиевистов Запада, доводя это поклонение до абсурда, было серьезным шагом вперед в изучении проблемы четвертого крестового похода.

Однако значение работы П. Митрофанова умаляется тем, что он, буржуазный историк-идеалист, не сумел вскрыть экономические основы сцепления политических интересов, результатом которого, по его мнению, был захват Константинополя крестоносцами. П. Митрофанов не показал, в частности, материальную подоплеку политики католической церкви во время четвертого крестового похода. Его вывод о „благочестивых стремлениях духовенства“ является сугубо идеалистическим и совершенно не оправданным. П. Митрофанов не смог также разглядеть те общественные группы, в интересах которых действовали тайные

---

1 П. Митрофанов, цит. соч., стр. 490.
2 Там же, стр. 488.
3 Там же, стр. 490.
4 Там же, стр. 519.
5 Там же.

и явные руководители четвертого крестового похода. Сведение противоречий и интересов политических сил к противоречиям и интересам отдельных лиц свидетельствует о буржуазной ограниченности автора статьи „Изменение в направлении четвертого крестового похода".

Наиболее значительным произведением русской буржуазной исторической литературы по крестовым походам была книга известного византиниста Ф. И. Успенского „История крестовых походов".[1] Она представляет собой последовательное изложение всех главных событий крестовых походов с конца XI до конца XIII в. Текст этой работы в значительной части вошел в „Историю Византийской империи" того же автора.[2]

В книге Ф. И. Успенского намеченная еще В. Г. Васильевским идея важности изучения международных отношений для понимания крестовых походов получила конкретное воплощение в ряде ценных наблюдений и выводов. Так, например, уже при рассмотрении обстоятельств, ближайшим образом предшествовавших началу первого крестового похода, Ф. И. Успенский подчеркивает значение отношений между Западом и Византией для возникновения крестового похода. В основном следуя выводам В. Г. Васильевского („Византия и печенеги"), Ф. И. Успенский считает, что толчок к крестоносному движению был дан из Византии.[3]

Говоря о втором крестовом походе 1147—1149 гг., Ф. И. Успенский одной из причин его неудачи считал своеобразную международную обстановку, сложившуюся во время похода: союз Византии с Иконийским султанатом и, с другой стороны, союз Рожера II Сицилийского, врага Византии и Германской империи, с Египтом — создали крупные осложнения для крестоносцев и неблагоприятно отразились на ходе дела. Точно так же при изложении истории третьего крестового похода Ф. И. Успенский обращает большое внимание на международные политические отношения: англо-французский конфликт, англо-норманские и англо-германские противоречия в Сицилии, византийско-германские отношения. Много места уделяется международным отношениям славянских государств Балканского полуострова (Сербии и Болгарии), стремившихся воспользоваться крестовым походом для того, чтобы полностью освободиться из-под власти Византии. Ф. И. Успенский подробно рассматривает международные отношения Сербии, Болгарии, а также Венгрии в связи с третьим крестовым походом и их влияние на судьбу похода.

Четвертый крестовый поход занимает центральное положение в книге Ф. И. Успенского. Ф. И. Успенский показал, что при изучении этого похода „необходимо считаться и с общим строем европейских дел, и с отношением Византии к Италии, и, наконец, с борьбой светской власти с духовной".[4] Ф. И. Успенский неоднократно и настойчиво повторяет эту мысль, критикуя одновременно западных историков за их пристрастие

---

[1] Ф. И. Успенский. История крестовых походов, СПб., 1901.

[2] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 136—168, 216—226, 329—345, 364—377. М.—Л., 1948.

[3] В своей вводной статье к „Истории Византийской империи" Ф. И. Успенского (т. III, стр. 14) Б. Т. Горянов очень неточно передает взгляд Ф. И. Успенского на историческое значение обращения Алексея Комнина к Западу. Ф. И. Успенский рассматривал это обращение не как „одну из причин первого крестового похода", а только как „решительное и последнее побуждение" к началу похода. Ф. И. Успенский. История крестовых походов, стр. 3. То же в „Истории Византийской империи", т. III, стр. 137.

[4] Ф. И. Успенский. История крестовых походов, стр. 113.

к односторонним концепциям, искусственным, хотя порой и остроумным домыслам в построениях.[1]

То, что Ф. И. Успенский ввел историю крестовых походов в рамки международных политических отношений, было бесспорным достижением русской медиевистической мысли и означало шаг вперед в изучении и понимании крестовых походов. Благодаря этому новому аспекту крестовые походы перестали представляться продуктом чисто религиозной борьбы, как они рисовались со времен Мишо и Зибеля (борьба „креста с полумесяцем"). Крестовые походы предстали перед читателем как серия мероприятий политического характера, непосредственно связанных с развитием международной жизни в XII—XIII вв.

Несомненно, что повышение роли международных отношений в конце XIX — начале XX вв. и место, которое занимала в их системе царская Россия, оказали решающее влияние на концепцию Ф. И. Успенского, направили его внимание в область международных отношений эпохи крестовых походов и позволили русскому историку сказать новое слово в изучении этой проблемы.

Однако, несмотря на указанные достоинства, концепция Ф. И. Успенского была далеко не совершенна. Она несла на себе отчетливый отпечаток идейной ограниченности буржуазного историка и его реакционных политических устремлений.

Политическое кредо этого историка как одного из усердных проповедников политических идей русского самодержавия получило в его „Истории крестовых походов" яркое конкретно-историческое выражение. Ф. И. Успенский видел в крестовых походах „эпизод столкновения двух миров, разделяющих и поныне господство в Европе и Азии"; более того — он видел в них „вступительную главу в историю восточного вопроса, в разрешении которого России суждено принять деятельное участие".[2] Стремлением Ф. И. Успенского обосновать и оправдать захватническую политику русского самодержавия на Ближнем Востоке проникнуты многие страницы „Истории крестовых походов". Это стремление лежит в основе своеобразного взгляда Ф. И. Успенского на отношения между крестоносцами и Византией и на византийскую восточную политику. Ф. И. Успенский берет под защиту все действия византийских императоров по отношению к крестоносцам, снимает с них обвинения современников и новых историков в коварстве, вероломстве и хитрости, почти во всем и всегда отстаивает их правоту и идеализирует внешнюю политику византийских императоров. Так, например, он явно приукрашивает отношение Алексея Комнина к крестьянскому ополчению крестоносцев: „Император отнесся к этой крестоносной толпе со всей гуманностью и состраданием". Ф. И. Успенский, как это ни странно у такого знатока источников, некритически принимает тенденциозный рассказ Анны Комнин о том, что Алексей якобы высказал полное расположение к „мечтателю" Петру Пустыннику, сделал ему подарок, приказал раздать деньги и припасы его отряду и т. д.[3] На самом деле византийское правительство в первую голову заботилось о том, чтобы удержать голодных и нищих пришельцев из Европы от грабежей и поспешило переправить их на азиатский берег, как только убедилось в неисполнимости этой задачи. Алексей руководствовался политическим расчетом, а отнюдь не „гуманностью и состраданием".

---

[1] Ф. И. Успенский. История крестовых походов, стр. 105.
[2] Там же, стр. 2.
[3] Там же, стр. 14.

Характерны рассуждения Ф. И. Успенского о причинах неудач крестовых походов. Говоря о первом крестовом походе и обвиняя в бедствиях и неудачах крестоносцев Боэмунда и норманнов, Ф. И. Успенский пишет: „Христиане на Востоке должны были (разрядка наша — *М. З.*) преследовать одну цель: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить в то же время прочный союз с Византийской империей и направить все силы на мусульман".[1] Как бы извлекая „политический урок" из событий первого крестового похода, Ф. И. Успенский указывает, что „роковая ошибка (!? — *М. З.*) христиан заключалась ... во вражде с Византией".[2] Он словно санкционирует задним числом захватническую политику крестоносцев на мусульманском Востоке, однако лишь при условии союза западных христиан с православной Византией, т. е. при условии, чтобы завоеванное крестоносцами досталось не только им, но и византийским императорам, наследником которых Ф. И. Успенский, как известно, считал русское самодержавие.[3] Нет сомнения, что перед нами в замаскированной историческим прошлым форме определенная политическая программа: крестоносцы совершили ошибку, сокрушив Византийскую империю; Запад „виноват" перед наследницей „второго Рима" — Российской империей, которая должна восстановить свои исторические „права" на Востоке, попранные в свое время по вине крестоносцев: „Не достигнув цели крестовых походов, западноевропейцы несут тяжкую ответственность перед судом истории".[4]

Эту реакционную политическую тенденцию Ф. И. Успенского, элементы которой имелись еще у П. Медовикова и которая была отчетливо сформулирована В. Г. Васильевским, можно проследить и в других местах „Истории крестовых походов". Проводя ее, Ф. И. Успенский иногда допускает явные фактические неточности. Например, обвиняя крестоносцев, он утверждает, что отрицательная оценка поведения крестоносцев в 1204 г., данная в Новгородской летописи, является единственной в своем роде и стоит особняком среди хвалебных описаний действий крестоносцев в западноевропейских хрониках. Ошибочность этого мнения показал П. М. Бицилли, посвятивший специальную статью вопросу об известиях о четвертом крестовом походе в Новгородской летописи.[5]

Идеализм составляет наиболее существенный методологический порок работы Ф. И. Успенского. Он помешал автору прежде всего вскрыть социально-экономические предпосылки крестовых походов. В „Истории крестовых походов" мы не найдем подлинно научного объяснения этого важнейшего вопроса. Буржуазный историк-позитивист, Ф. И. Успенский стоит на позициях пресловутой „теории равноправных факторов". При крайне схематичном изложении причин крестовых походов, перечислив такие „факторы", как папская власть и влияние духовенства, „подвигнувшего западные народы к исполнению воли римского первосвященника", как „привычка к войне и жажда приключений" рыцарства, отодвинув на последнее место „тяжкое экономическое и социальное положение народных масс", — Ф. И. Успенский заявляет (заявление это чрезвычайно

---

[1] Ф. И. Успенский. История крестовых походов, стр. 47.

[2] Там же, стр. 168.

[3] О концепции „третьего Рима" у Ф. И. Успенского см. З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. „Вопросы истории", 1949, № 6, стр. 123.

[4] Ф. И. Успенский, цит. соч., стр. 169.

[5] П. М. Бицилли. Новгородское сказание о IV крестовом походе. „Исторические известия", №№ 3—4, стр. 54—55. М., 1916.

характерно для сторонника „теории факторов"), что „все эти мотивы имели значение при возбуждении первого крестового похода", но „ни каждый в отдельности, ни все вместе они недостаточно объясняют принятое крестовыми походами направление".[1] В целом, по мысли Успенского, причины крестовых походов „остаются до сих пор не вполне ясными".[2]

В „Истории крестовых походов" Ф. И. Успенский нигде, кроме только что цитированной фразы, не уделяет внимания вопросу о положении народных масс и совершенно игнорирует проблему классовой борьбы в ту эпоху. Зато он крайне преувеличивает значение религиозных мотивов для возникновения крестовых походов. Он считает, что большие жертвы в первых трех крестовых походах были „принесены в удовлетворение религиозного чувства",[3] что „главные массы крестоносцев возбуждаемы были религиозными мотивами".[4] Впрочем, впадая в противоречие с самим собой, в другом месте он замечает, что уже к 1149 г. „религиозная идея похода совершенно отступает на задний план".[5] Такого рода непоследовательности встречаются в книге Ф. И. Успенского весьма часто.

С порочными методологическими основами работы Ф. И. Успенского тесно связана и непосредственно вытекает из них ошибочная переоценка роли отдельных участников и предводителей крестовых походов. Ф. И. Успенский пишет, например, что если бы в октябре 1093 г. не последовала смерть графа Роберта Фландрского, крестовый поход „имел бы тогда совершенно иное значение и... другие цели", т. е. был бы направлен не на Иерусалим, а на Константинополь.[6] Еще более показательна преувеличенная оценка, которую он дает значению деятельности Боэмунда Тарентского в первом крестовом походе: Боэмунд, по мнению Успенского, „принес много вреда всему христианскому делу на Востоке... он есть главный виновник всех бедствий, неудач и потерь крестоносцев... Он своим честолюбием поселил антагонизм между Византийской империей и крестоносцами".[7] Вместо того чтобы вскрыть действительную подоплеку антагонизма между Византией и Западом, Ф. И. Успенский сводит все дело к честолюбию нормандского князя и этим обесценивает свою собственную концепцию: политические противоречия Византии и Запада повисают в воздухе.

„История крестовых походов" Ф. И. Успенского до настоящего времени остается единственным оригинальным сочинением в этой области, принадлежащим перу крупного русского ученого и охватывающим всю историю крестовых походов. Она содержит богатый фактический материал и читается с живым интересом. Ф. И. Успенский, используя результаты исследований своих предшественников—В. Г. Васильевского и П. Митрофанова, внес важные поправки в традиционные толкования ряда вопросов истории крестовых походов. Особенно существенно то, что он поставил историю крестовых походов в связь с историей Византии и международных отношений.

Однако отсутствие анализа социально-экономических основ крестовых походов, идеализм, отразившийся в объяснении причин этого

---

1 Ф. И. Успенский, цит. соч., стр. 3.
2 Там же, стр. 2.
3 Там же, стр. 113.
4 Там же, стр. 167.
5 Там же, стр. 67.
6 Там же, стр. 9. Ср. В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. „Труды", т. I, стр. 96.
7 Там же, стр. 47.

движения, в переоценке роли вождей крестоносцев, в чрезмерном преувеличении значения церковно-религиозных вопросов, в постановке историографических проблем (четвертый поход), наконец, политическая концепция автора, служившая „историческим" обоснованием агрессивных планов царского правительства и русской буржуазии, — все это делает выводы Ф. И. Успенского нуждающимися в глубоком критическом пересмотре, а его работу в целом — чуждой и неприемлемой для советской медиевистики.

Через 15 лет после работы Успенского вышло другое сочинение по интересующему нас вопросу, на этот раз не принадлежавшее перу византиниста. Это был курс лекций Д. Н. Егорова „Крестовые походы".[1] Лекции не являлись систематическим курсом истории крестовых походов, а излагали лишь отдельные наиболее важные проблемы этого движения. В своих выводах Д. Н. Егоров во многом расходился с Ф. И. Успенским, хотя идейно-методологическая основа исторических взглядов Д. Н. Егорова в главных чертах была той же, что и у Успенского.

Курс лекций Д. Н. Егорова носит ярко выраженный полемически-заостренный характер. Считая проблему крестовых походов далеко не решенной проблемой („настоящий историк крестовых походов еще впереди"), Д. Н. Егоров строит все изложение на критике традиционных взглядов западноевропейской историографии по ряду узловых вопросов (подготовка крестовых походов, их цели и движущие силы, характер первого крестового похода и его отличие от остальных, причины неудачи и последствия крестоносного движения и т. д.). Самая постановка вопроса: „крестовые походы — нерешенная проблема" — приковывает интерес читателя. Этот интерес усиливается по мере того, как в ходе тонкой критики традиционных взглядов, выработанных западноевропейской историографией XVIII и XIX вв., критики, основанной на глубоком и самостоятельном изучении источников, Д. Н. Егоров разбивает одно за другим устарелые положения и создает новые оригинальные построения и выводы.

Особенно подробно останавливается Д. Н. Егоров на характеристике причин крестовых походов.

Он показывает, во-первых, что крестовые походы не являлись, как полагали многие западные историки, борьбой двух религий.[2] Путем анализа восточных и западных источников (Коран, высказывания Петра Достопочтенного и различных деятелей католической церкви, De statu saracenorum Вильгельма Триполийского — 1273 г. и др.) Д. Н. Егоров устанавливает, что до XIII в. в источниках нет ничего, что говорило бы о религиозной ненависти западных христиан к исламу; наоборот, и в церкви, и в народной среде существовало распространенное мнение о близости ислама к христианству.[3] Религиозная ненависть появляется не в роли возбудителя крестовых походов, а в качестве результата их, в качестве итога полуторастолетней борьбы.[4] Крестовые походы не могут быть объяснены как плод религиозной ненависти: „религиозные побуждения, как причина крестовых походов, совершенно неприемлемы".[5] Таким образом, Д. Н. Егоров совершенно правильно отрицает религиозный мотив как главный возбудитель крестовых походов.

---

[1] Д. Н. Егоров. Крестовые походы. Части I и II. М., 1914—1915.
[2] Там же, ч. I, стр. 72—80.
[3] Там же, стр. 78.
[4] Там же, стр. 73.
[5] Там же, стр. 184.

Во-вторых, Д. Н. Егоров, вопреки традиционному взгляду западноевропейских историков, доказывает, что по своему происхождению крестовые походы не были папским предприятием. Анализ писем Григория VII от 1074 г. свидетельствует о том, что ошибочно считать Григория VII „отцом идеи крестовых походов".[1] В отношении Урбана II эта же мысль подтверждается у Д. Н. Егорова остроумной попыткой реконструкции и разбором известной речи в Клермоне.[2] В свое время Зибель превозносил роль папства в организации первого крестового похода. О клермонской речи он высокопарно писал: „Слова, сказанные в тот день, бросили жизнь целого мира на новый путь".[3] Аналогичные высказывания можно найти и у других немецких и французских историков: Гефеле, например, прямо называл Клермонский собор „создателем крестовых походов".[4] Эти историки видели в деятельности папства решающую причину, вызвавшую крестовые походы.

Д. Н. Егоров, *порывая с традиционной точкой зрения западных историков*, противопоставляет ей более близкий к истине взгляд: папы „не вызывают, не направляют крестовых походов, а лишь поддерживают их".[5] В соответствии с этим он и оценивает значение клермонской речи Урбана II: она способствовала развязыванию крестового похода, но лишь постольку, поскольку попала на уже подготовленную почву, — мысль, которой до известной степени нельзя отказать в справедливости.

Отрицание религиозной ненависти западных христиан к мусульманству и деятельности пап как главной причины крестовых походов разбивало традиционные конфессионально окрашенные концепции буржуазных историков Запада и содействовало более правильному уяснению проблемы происхождения крестоносного движения.

По мнению Д. Н. Егорова, идея крестовых походов зародилась в светских кругах.[6]

Крестовые походы подготовлялись в течение всей второй половины XI в. Это был длительный процесс. Он происходил главным образом на юге Европы, где наиболее тесно „соприкасались арабский и христианский миры".[7]

Идея крестовых походов, зародившись стихийно в светских кругах Южной Европы, приобрела затем широчайшую популярность в Западной Европе благодаря сочетанию различных причин материального и идейного порядка. Главная мысль Д. Н. Егорова, красной нитью проходящая через эту часть его курса, состоит в том, что невыносимо тяжелые условия материальной жизни западноевропейского крестьянства в XI в. были основным условием, сделавшим народные массы чрезвычайно восприимчивыми к идее крестовых походов. Эти тяжкие условия толкнули крестьянство к походу на Восток. В ярких красках, оперируя умело подобранными местами из источников (страшное описание голода в хронике Рауля Глабера, народные песни о „конце мира", продиктованные страхом голодной смерти), Д. Н. Егоров рисует живые картины народных бедствий в десятилетия, предшествовавшие крестовому походу.[8] Эти картины, в высшей степени выразительные, захватывают своей силой. Трудно найти во всей европейской литературе крестовых походов

[1] Там же, стр. 109—115.
[2] Там же, стр. 124—131.
[3] H. Sybel. Geschichte des ersten Kreuzzuges, S. 185. Leipzig, 1881.
[4] K. Hefele. Conciliengeschichte, B. V, S. 227. Freiburg. 1886.
[5] Д. Н. Егоров, цит. соч., ч. I, стр. 131.
[6] Там же, стр. 132.
[7] Там же, стр. 106.
[8] Там же, стр. 159 и сл.

такие широкие и яркие полотна, рисующие бедствия голодающего крестьянства накануне первого крестового похода.

Д. Н. Егоров полагает, что голод, как наиболее тяжелое бедствие для населения деревни, имел два „параллельных" последствия: прежде всего он толкал крестьян к бегству с насиженных мест, затем — обострял искупительно-религиозное настроение, направившее их именно в Иерусалим.

Д. Н. Егоров весьма трезво оценил и истинные побуждения рыцарства. Он называет западных рыцарей „хищниками" и „авантюристами". „Пред нами, — писал Д. Н. Егоров об участниках первого крестового похода, — типичные искатели приключений, жадные, жестокие..."; „полная беспринципность, ненасытная алчность к наживе — вот чем должен быть отмечен этот рыцарский авантюризм".[1] По мысли Егорова, дворян побуждала к участию в походе возможность „прежде всего" „разделаться со значительной задолженностью".[2] Кроме того, рыцари искали „поместий и владений";[3] их привлекало также „богатство восточных городов". В конечном счете „надежда на грабеж"[4] была одним из главнейших стимулов для рыцарства.

Немало интересного материала можно найти в лекциях Д. Н. Егорова и по вопросу о влиянии арабского Востока на материальную и духовную культуру Западной Европы в результате крестовых походов. Д. Н. Егоров отвергает „европоцентризм" западных историков, их представление „об изначальной, извечной культурности Запада", о том, „что всякие культурные радиации идут от Запада, от Европы".[5] На конкретных примерах Д. Н. Егоров показывает значительное превосходство арабского Востока над „франкским варварством" и полезное влияние для Западной Европы тех заимствований, которые шли через „главные ворота" этого влияния — крестовые походы. В этом отношении Д. Н. Егоров занимает более правильную позицию по сравнению с Ф. И. Успенским, склонным отрицать положительное значение крестовых походов для Запада.

Однако лекционный курс Д. Н. Егорова страдает рядом глубоких недостатков.

Д. Н. Егоров, как известно, не стоял на позициях материализма. Его весьма путаные историко-философские взгляды были в основе идеалистическими. Он был сторонником „теории равноправных факторов". Поэтому, например, вскрыв чисто материальные мотивы, побуждавшие к походу рыцарство, Д. Н. Егоров тут же оговаривается: „неправильно" „указывать только эту сторону крестовых походов..."; у Европы „несомненно было" „идеалистическое настроение..."; „отдельные части крестоносного войска были пропитаны бескорыстными мистическими мотивами"[6] и т. д.

Буржуазная ограниченность Д. Н. Егорова не позволяет ему глубже проникнуть в причины голода, поражавшего деревню: Д. Н. Егоров видит в нем только результат стихийных явлений — градобития, засухи, наводнения и т. п. и проходит мимо основного — феодальной эксплоатации, гнавшей крестьян на Восток. Как буржуазный историк Д. Н. Егоров закрывает глаза на факты обострения классовой борьбы накануне и во время крестовых походов.

---

[1] Д. Н. Егоров, цит. соч., ч. I, стр. 139 и 140.
[2] Там же, стр. 141.
[3] Там же, стр. 142.
[4] Там же, стр. 152.
[5] Там же, ч. II, стр. 83.
[6] Там же, ч. I, стр. 143.

С этими методологическими основами его построений тесно связан порочный метод изучения крестовых походов: это — метод формально-юридического анализа, берущий отдельные факты крестоносного движения сами по себе, метафизически, в отрыве от совокупности процессов, обусловивших те или иные события. Д. Н. Егоров широко прибегает в своем „Курсе" к этому методу, глубоко чуждому марксистско-ленинской науке. Поэтому ко многим выводам и построениям Д. Н. Егорова необходимо подходить крайне осторожно и весьма критически.

Порочность методологии и политическая направленность всей работы Д. Н. Егорова очень ярко проявилась в общей оценке исторического места и значения крестовых походов. В противовес „традиционному" пониманию крестовых походов в качестве „характерного эпизода средневековья", Д. Н. Егоров выдвигает тезис, якобы „выводящий" крестовые походы из средневековых рамок. По его мнению, крестовые походы вовсе не являются эпизодом, характерным только для средних веков. На протяжении всей мировой истории происходили попеременные „перекаты" Запада на Восток и Востока на Запад. Крестовые походы были одним из проявлений этой „закономерности" мировой истории: ослабление мусульманского мира создало благоприятные предпосылки для очередной „волны" или „переката" Запада на Восток. В этом положении в полной мере сказалось присущее буржуазной исторической науке начала XX в. отрицание исторического развития, — в основе этого отрицания лежало стремление увековечить капитализм. Как известно, в наиболее законченном виде это последнее проявилось в антинаучной концепции Допша, к которой, отметим попутно, Д. Н. Егоров относился более чем одобрительно.[1] В приведенном тезисе Д. Н. Егорова, кроме того, отразились бессильные попытки буржуазного исследователя исторически объяснить происхождение современных ему событий первой мировой империалистической войны и, протянув нить от этих событий к отдаленному прошлому, показать извечность и „фатальную неизбежность" войн Востока и Запада. Д. Н. Егорову было чуждо понимание экономической и социально-политической сущности империализма как особой стадии общественного развития. Он рассматривал „империализм" только как сумму завоевательных стремлений „вообще" и возводил „империализм" в этом „своеобразном" понимании в вечную категорию.[2] Уже в XII—XIII вв. Егоров находил „конфликты интересов империалистических государств".[3] Вековые „перекаты" Запада на Восток и Востока на Запад, одним из моментов которых были, по его мнению, крестовые походы, должны были послужить „историческим" обоснованием и оправданием „истории текущей". Не случайно во вводной лекции Егоров замечает: „Крестовые походы являются завязкой современного узла; именно тогда были сделаны первые шаги к созданию конфликтов, разрешающихся на наших глазах".[4] В этих словах в полной мере сказалась идейно-политическая ограниченность буржуазного историка, его реакционное стремление „исторически" оправдать первую мировую империалистическую войну.

---

[1] См. Д. Н. Егоров. Новый взгляд на социально-экономическое развитие Запада в средние века. „Анналы", т. II, Петроград. 1922.

[2] Наиболее развернуто эту точку зрения, с многочисленными „примерами" из истории различных эпох, Д. Н. Егоров изложил в специальном цикле лекций об „Империализме культурном, экономическом и политическом", который он читал в течение ряда лет в Московском коммерческом институте.

[3] Д. Н. Егоров. Крестовые походы, ч. I, стр. 8.

[4] Там же, стр. 3.

Работой Д. Н. Егорова завершается развитие русской буржуазной историографии крестовых походов. После нее русские буржуазные ученые дали только несколько популярных очерков, ярко демонстрирующих безысходный кризис буржуазной науки. Примерами могут служить работы О. А. Добиаш-Рождественской: „Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении)",[1] „Западные паломничества в средние века"[2] и „Крестом и мечом (Приключения Ричарда Львиное Сердце)".[3]

Хотя эти работы изданы после Великой Октябрьской социалистической революции, но по своим методологическим установкам они всецело принадлежат буржуазной историографии. Они проникнуты крайним идеализмом и религиозностью. О. А. Добиаш-Рождественская рассматривает крестовые походы как „огромных размеров паломничество".[4] Она идеализирует роль папства в крестовых походах, противопоставляя „бескорыстную мечту Урбана" политическим целям итальянских норманнов.[5] Ее книжка „Крестом и мечом" проникнута духом антиисторизма. Деятельность Ричарда Английского в ней расценивается не с точки зрения тех условий, места и времени, в которых она протекала, а во „вневременном аспекте", с позиций „эстета", „романтика",[6] попросту говоря,—эклектика и идеалиста. О. А. Добиаш-Рождественская безмерно идеализирует Ричарда, возводит в бескорыстные подвиги самые неприглядные моменты в его политике, вплоть до того, что в бесстыдном ограблении английского народа этим авантюристом накануне третьего крестового похода она видит деятельность „первоклассного организатора" и результат крестоносного порыва, увлекшего короля,[7] оправдывает его жестокости в отношении мусульман, воспевает мнимое „благородство" Ричарда, награждая его самыми лестными эпитетами.[8]

Работы О. А. Добиаш-Рождественской являются шагом назад по сравнению с тем, что было написано русскими буржуазными историками о крестовых походах. О. А. Добиаш-Рождественская игнорирует твердо установленную в их трудах важность роли международных отношений для крестовых походов, перенося центр тяжести на борьбу Ричарда — „льва" — с „лисицами" (Филиппом II Августом и Генрихом VI), в которой она видит только „личную трагедию" „викинга во французской культуре". В книжке „Крестом и мечом" идеалистическая переоценка роли личности достигает своего наивысшего предела.

С позиций, типичных для буржуазного историка новейшего времени, О. А. Добиаш-Рождественская замазывает факты обострения классовой борьбы в XI в., отрицает ухудшение „материальных условий жизни" крестьянства, преуменьшает его бедствия накануне первого крестового похода.[9]

Несмотря на довольно интересный фактический материал, работы О. А. Добиаш-Рождественской о крестовых походах являются совершенно чуждыми марксизму и для нас абсолютно неприемлемыми.

---

[1] О. А. Добиаш-Рождественская. Эпоха крестовых походов. 1918.

[2] О. А. Добиаш-Рождественская. Западные паломничества в средние века. 1924.

[3] О. А. Добиаш-Рождественская. Крестом и мечом. 1925.

[4] О. А. Добиаш-Рождественская. Эпоха крестовых походов, стр. 2.

[5] Там же, стр. 30.

[6] О. А. Добиаш-Рождественская. Крестом и мечом, стр. 12—13.

[7] Там же, стр. 43—45.

[8] Там же, стр. 5—6, 132, 133 и др.

[9] О. А. Добиаш-Рождественская. Эпоха крестовых походов, стр. 10—14. Ср. „Западные паломничества в средние века," стр. 38.

Подводя итоги, необходимо отметить, что русская буржуазная историография крестовых походов имела некоторые достижения в разработке этой проблемы. Она сделала многое для уяснения истории четвертого крестового похода. В ней была подчеркнута важность изучения крестовых походов в рамках международных отношений. Развитие русской буржуазной историографии крестовых походов шло самостоятельными путями, обусловленными спецификой русской социально-политической действительности. Русские ученые вырабатывали оригинальные построения истории крестовых походов, подвергая смелой критике устарелые и рутинные взгляды западноевропейских исследователей. В русской исторической литературе была с особой силой подчеркнута экономическая подкладка мотивов, побудивших к участию в крестовых походах рыцарство и крупных феодалов. Если западноевропейские историки за незначительными исключениями (мы имеем в виду главным образом просветителей XVIII в.) видели в крестовых походах великий „подвиг" западных народов, то русские ученые во главу угла справедливо поставили захватнический и грабительский характер движения. Грабительские цели крестоносцев-рыцарей подчеркивали В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Д. Н. Егоров и другие исследователи крестовых походов. Русские медиевисты сорвали с крестовых походов ореол подвига „во славу господа", разоблачили колонизаторские стремления рыцарства и князей западноевропейских стран. На множестве конкретных фактов они показали и заклеймили варварское поведение франкских рыцарей на Востоке.

Вскрывая реальные мотивы, лежавшие в основе крестовых походов, низводя „подвиги" крестоносцев на мусульманском и православном Востоке на уровень обыкновенного грабежа, русские историки двигали вперед изучение подлинного характера этого движения.

Но наряду с достижениями работам русских буржуазных историков крестовых походов были присущи коренные пороки, вытекавшие из классово-политической природы, идейной и методологической ограниченности этих историков как идеологов правящих классов царской России.

Русская буржуазная историография не сумела разрешить вопросы о социально-экономических причинах крестовых походов, об их историческом значении и последствиях, не поставила проблемы классовой борьбы в эпоху крестовых походов, не сумела с достаточной четкостью проследить изменения в характере крестовых походов.

Работы русских буржуазных историков крестовых походов проникнуты идеализмом. Во многих из них проводились реакционные политические идеи.

Проблема истории крестовых походов была по-новому поставлена и в основном разрешена лишь в советской историографии. Важнейшие стороны этой проблемы, как, например, вопрос о причинах крестовых походов, получили в советской исторической науке, вооруженной единственно правильной научной теорией марксизма-ленинизма, принципиально новое освещение: крестовые походы были поставлены в связь с теми глубокими изменениями, которые происходили в экономическом и социально-политическом развитии феодального общества с XI в. — отделением ремесла от земледелия, ростом городов, усилением феодальной эксплоатации зависимого крестьянства и обострением классовой борьбы. Советские историки, руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма, выяснили, что в конечном счете крестовые походы были результатом сдвигов в положении различных классов

западноевропейского общества, вызванных этими изменениями, и перемен в международных отношениях в XI—XIII вв.

Советская медиевистика, развивая „лучшие образцы, традиции" отечественных исследователей „с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры",[1] критически используя наследство буржуазной историографии крестовых походов, отбрасывая ее слабые стороны, продолжает и углубляет разработку проблемы крестовых походов.

М. А. Заборов

II. РЕЦЕНЗИИ

М. Я. СЮЗЮМОВ. ПРОБЛЕМЫ ИКОНОБОРЧЕСТВА В ВИЗАНТИИ

Отдельный оттиск из „Ученых записок Свердл. гос. педагогич. ин-та", т. IV, стр. 48—110, Свердловск, 1948.

Исследование свердловского историка М. Я. Сюзюмова „Проблемы иконоборчества в Византии" является извлечением из его кандидатской диссертации, защищенной в 1943 г. М. Я. Сюзюмов попытался поставить и разрешить некоторые основные вопросы ранней истории Византии и прежде всего вопрос о переходе к феодальной формации.

Работа состоит из трех глав. Первая глава — „Дофеодальный период византийской истории" — дает общий очерк истории Византии до начала XI в.; во второй главе — „Иконоборчество и монастырское землевладение", носящей преимущественно критический характер, и в третьей главе — „Роль изъятия церковных сокровищ в иконоборческом движении в Византии" — автор пересматривает традиционные представления об иконоборческом движении и излагает собственные взгляды на эту многократно изучавшуюся, но все еще недостаточно изученную проблему.

Основная часть исследования М. Я. Сюзюмова составляет содержание двух последних глав; введением к ним служит заключительный раздел первой главы, дающий периодизацию иконоборческого движения. Такая конструкция работы является не вполне удачной, так как периодизация базируется на выводах, к которым автор приходит уже в последних двух главах: поэтому читателю приходится принимать эту периодизацию до того, как он ознакомился с концепцией, объясняющей сущность самого иконоборческого движения.

М. Я. Сюзюмов рассматривает иконоборчество как широкое общественное движение, в котором на различных его этапах принимали участие различные слои населения, внешне объединенные отрицательным отношением к иконам (стр. 69). По его мнению, иконоборческое движение зародилось в эпоху гибели крупного рабовладельческого землевладения и распространения свободной общины. На первых порах оно развивалось в крестьянской массе и в качестве ереси являлось выражением протеста крестьян против старых господствующих классов и поддерживавшей их церкви. Это движение развивалось „в массах независимо от иконоборческой политики" (стр. 101).

В дальнейшем, по мнению М. Я. Сюзюмова, социальная база иконоборчества расширяется, вместе с тем меняется и его характер.

[1] Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 148.